

- Тюнен И. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике: Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие. М.: Экономическая жизнь, 1926.
- Фигуровская Н.К., Глаголев А.И. А.В. Чайнов и его теория крестьянского хозяйства / Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редколл. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. М.: Экономика, 1989.
- Фридрих Э. Общий очерк экономической географии. СПб., 1910.
- Хайлблонер Р.Л. Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008.
- Челинцев А.Н. К очередным задачам сельскохозяйственной экономики // Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию И.А. Стебута. СПб., 1904.
- Челинцев А.Н. Очерки по сельскохозяйственной экономике. 3. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии с.-х. эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.: Оттиск из журнала Сельское хозяйство и лесоводство. 1910. Окт. – дек.
- Челинцев А.Н. К методологии сельскохозяйственного районирования // Пути сельского хозяйства. 1928. № 4–6.
- Шнипер Р.И. Региональные предплановые исследования. Экономический аспект. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1978.
- Шнипер Р.И. Экономические методы управления. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991.
- Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Jena, G. Fischer, 1935.
- Cipolla C.M. The Economic History of World Population. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1964.

Рукопись поступила в редакцию 09.06.2010 г.

ИНСТИТУЦИЯ И ИНСТИТУТ: ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

О.В. Иншаков

В статье показаны истоки гносеологической ловушки в отождествлении в концепциях отечественной экономической науки категорий институтов и институций. Автором посредством критического анализа и синтеза многих определений института и институции проводится дифференциация этих понятий, выявляются способы их координации и субординации в теории и практике. С использованием модели метапроизводственной функции обосновывается «категориальное ядро» институциональной теории и «транзакционное ядро» общественного бытия, раскрывающее взаимодействие институции, организации, институтов и органов в социально-экономических системах.

Ключевые слова: институты, институции, организации, метапроизводственная функция, эндогенные факторы производства.

Случайно сложившееся недифференцированное употребление и укоренение некорректных понятий в научной теории неизбежно усиливают существующие методологические противоречия и создают барьеры на пути ее развития. Под влиянием координации, обучения, сопряжения и инерции (Полтерович, 1999) эти процессы имеют тенденцию перерастания в гносеологические институциональные ловушки. Возникновение таких ловушек в современной экономической теории связано с инерцией в разграничении и определении понятий «предприятие» и «фирма» (Иншаков, 2008а); «затраты», «издержки» и «расходы»

© Иншаков О.В., 2010 г.

(Иншаков, Чернавин, 2007); «стоимость» и «ценность»; «институт» и «институция» (Иншаков, 2007б, с. 6–12); «продукт» и «товар»; «бренд», «товарный знак» и «торговая марка» (Гэд, 2003, с. 26–28) и др.

Научный язык требует однозначных соответствий понятий и определяемых ими явлений. В этом состоит его принципиальное отличие от бытового или литературного, художественного языка. Каждое понятие научной теории должно системно соответствовать единственному явлению как завершённый и укоренённый в её предметном поле результат синтеза его многих определений. Конечно, синонимизация возможна на начальном этапе формирования категориальной системы некоторой теории, но при достижении зрелости – это некорректный путь расширения понятийного арсенала научного анализа, снижающий его эффективность и глубину. Он путает исследователя, вовлекая его в гносеологическую ловушку на пути проникновения в сущность явлений.

Дифференциация базовых понятий институциональной экономической теории отражает развитие объекта и предмета этой теории. При анализе институций и институтов следует помнить, что «формы общественной дифференциации, очевидно, корреспондируют с узловыми проблемами демаркаций эволюционных функций» (Луман, 2005, с. 104). Поскольку «возникновение отчетливых форм внутриобщественной системной дифференциации является результатом эволюции. Формы дифференциации сами являются эволюционными достижениями». Это в полной мере относится и к дифференциации понятий, выражающих эти формы или общественные отношения, которые эволюционируют вместе с теорией.

После проведенных в течение нескольких лет и представленных научной общественности современной России исследований представляется необходимым вновь обратиться к проблеме разграничения категорий «институция» и «институт», которые различаются со времен Древнего Рима и это различие зафиксировано во всех солидных слова-

рях романо-германских языков. Это следует сделать потому, что такой методологический «переход» от искусственной «слитности» к дифференциации данных категорий может вывести институциональную экономическую теорию на качественно новый уровень. Для этого сложились все необходимые и достаточные условия.

1. ИСТОКИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОВУШКИ

Термин «институционализм», по размышлению Е. Майбурда, «основан на понятиях “институция” (обычай, заведенный порядок) и “институт” (порядок, закрепленный в форме закона или учреждения). Впрочем, часто “институтами” называют и то, и другое» (Майбурд, 1996, с. 496). Неэффективное конвенциональное равновесие двух категорий сложилось под влиянием некорректной трансплантации «западной» категориальной системы «старого» институционализма на российскую почву. Однако практика некорректного словоупотребления не может служить основой формирования научного языка, будет разрушать его однозначность. Это в полной мере относится к языку современной институциональной теории, которая развивается в России.

Основной термин классического экономического институционализма «institution» в 1970–1980-х гг. переводился на русский язык двояко: как «институция» – В. Афанасьевым (Экономическая энциклопедия, 1975, с. 28) и как «институт» – С. Сорокиной (Веблен, 1984). Но наибольшее распространение получил именно второй, неточный, вариант перевода, поскольку он воплотился в первом русскоязычном издании классического труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (М.: Прогресс, 1984). Как отмечалось в предисловии к этой книге, «термин “институционализм” связан с двумя понятиями: “институция” – установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и

“институт” – закрепление обычаев и порядков в виде закона или заведения. Разделение этих понятий условное, поскольку в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание» (Сорокина, 1984, с. 6). Вследствие этого необоснованного вывода «институции» в тексте Т. Веблена (Veblen, 1978, 1994) стали «институтами», и вместо двух самостоятельных содержательных категорий современная российская экономическая наука получила одну.

Это «упрощение» С. Сорокиной закрепилось в качестве традиции и впоследствии отразилось в переводах трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и др. (Норт, 1997; Эггертссон, 2001; Бест, 2002; Ходжсон, 2003), в оригинале посвященных именно институциям (*institutions*), а не институтам (*institutes*) (North, 1990, 1993; Eggertsson, 1990; Best, 2002; Hodgson, 1988). В свою очередь научные редакторы русского перевода фундаментального труда Э. Фуруботна и Р. Рихтера, критикуя распространенную несогласованность позиций теоретиков институционализма и переводчиков специальной литературы, все же не устояли под давлением стереотипов и вынесли в название книги слово «институты» (Фуруботн, Рихтер, 2005) вместо «институции» (Furubotn, Richter, 2005). Как в классической, так и в новых формах институциональной теории основной категорией является институция (*institution*), тогда как термин «институт» (*institute*) имеет ограниченную сферу применения и относительно редко употребляется в научных текстах (Фролов, 2008, с. 67).

Попытки категориальной спецификации институций и институтов уже предпринимались российскими исследователями. В. Зотов, В. Пресняков и В. Розенталь предложили понимать под институциями «обычаи, традиции, правила и нормы социального поведения, согласно которым люди действуют в разных сферах жизни общества (включая экономическую) именно в силу своей причастности к институтам» (Зотов, Пресняков, Розенталь, 2001, с. 53). Институты же трактуются ими как «специфические функциональные и

организационные формы коллективной деятельности, являющиеся устойчивыми структурными образованиями» и обеспечивающие реализацию системных функций экономики. Однако эти исследователи не учли, что поведение – лишь внешняя форма проявления действия, которая может и скрывать его истинные цели, акты и мотивы. Неоднократные попытки содержательно разграничить рассматриваемые категории на основе их понимания как исходной и производной форм общественных отношений (см. (Инишаков, 2002, 2003б, 2007б; Инишаков, Фролов, 2005; Фролов, 2008б) и др.) также были проигнорированы (например, (Попов, Сергеев, 2010)): ученым трудно осознавать свои заблуждения и делать «работу над ошибками».

В теории институциональных матриц С. Кирдиной институции связываются с «формализацией необходимых правил, обеспечивающих выживание и развитие экономики... С этой точки зрения институции можно считать артефактами, искусственно создаваемыми конструкциями», а «институты, являясь социальными структурами, присущи обществам и направлены на организацию не только экономики, но и всей социальной системы» (Кирдина, Малков, 2008, с. 167–168).

Институции – не произвольно созданные, а эволюционно возникающие из естественного и общественного разделения труда, объективно существующие функциональные отношения между людьми, социально закрепленные обычаями или законом. Таково «материнство» или «детство», «крестьянство» или «предпринимательство». Институции дают статус человеку в обществе не только в зависимости от вида осуществляемой им деятельности. Уже при рождении индивид обретает в обществе три основных институции – существа, свойства и средства, поскольку жив, признан «своим» и является средством воспроизводства рода.

Комплекс институций индивида или группы, осознанный и признанный в их социальной среде, составляет их функциональный образ действий, социальный портрет и роле-

вой репертуар. Таковы – «отцы» и «торговцы», «вышивальщицы» и «бандиты». Институции отражают не только универсальность человеческой деятельности, единство ее многообразия через ее объектную дифференциацию и субъектную интеграцию, но также ее активность, целесообразность и креативность. Поэтому, как справедливо считает Т. Гайдай, именно «институция – это основной объект исследования, центральная категория и аналитический инструмент институциональной теории» (Гайдай, 2006, с. 54).

Наиболее значительное развитие теория институций получила в работах Волгоградской научной экономической школы. И, хотя опубликованы многочисленные статьи и книги (Иншаков, 2003б; Иншаков, Фролов, 2002, 2007б; Иншаков, Белобородько, Фролов, 2008; Аленичев, Иншаков, Фролов, 2007; Фролов, 2008), в которых приводится множество убедительных доводов в пользу отказа от отождествления институций и институтов, эта позиция с большим трудом проникает в массовое сознание сообщества российских экономистов институционального «профиля». Хочется верить, что инерция в сфере науки хоть и велика, но преодолима... В новой монографии «Лингвистика институциональной экономики» (Иншаков, Фролов, 2010) на основе ранее проведенных исследований приводятся словники институций в древнем (около 600 слов) и современном (около 2000 слов) русском языке, что расширяет эмпирическую базу развития исследований институциональной реальности в экономике, социологии, психологии, политике, правоведении, филологии и пр.

Отправной пункт формирования категориальной системы институциональной экономической теории – эндогенизация институции в качестве аргумента метапроизводственной функции. Но предпринятые немногочисленные попытки эндогенизировать институциональный фактор имели интуитивный и недоказательный характер, не имели адекватного логического и формально-математического обоснования (Камерон, 2001, с. 33; Филипенко, 2002, с. 67). Впервые институция была до-

казательно включена в инвариантный состав элементов метапроизводственной функции в рамках эволюционной теории экономической генетики на основе модели взаимодействия природы, человека и общества NHS (Иншаков, 2003а). Согласно ее базовым постулатам в создании любого продукта человеческой деятельности (Q) наравне с предметными, трансформационными (Tf) факторами – человеческим (A), техническим (T) и материальным (M) – участвуют социально-полевые созидательные силы, трансакционные факторы производства (Ta), в состав которых институция (Ins) входит наряду с организацией (O) и информацией (Inf). Теория и модель были впоследствии уточнены и получили дальнейшее развитие (Иншаков, 2007в; Иншаков, 2008б, с. 57–60; Inshakov, 2009, р. 159–170). Метапроизводственная функция показывает, что в производстве продукта независимо от его масштаба, типа и вида с неизбежностью взаимодействуют все указанные факторы:

$$Q = f(Tf, Ta) = f(A, T, M, Ins, O, Inf).$$

Метапроизводственная функция позволяет модельно построить производственную функцию любого конкретного вида, поскольку содержит все необходимые для этого исходные элементы. Пренебрежение же отдельными эндогенными факторами, что встречается в экономической теории, приводит к созданию неполных моделей производственных функций, а придание нулевого значения этим факторам – лишь теоретическое упрощение, не существующее в практике. Институция – исходно и всегда эндогенный фактор любого производства.

Введение институции в состав эндогенных переменных производственной функции позволило развить теорию действия Т. Парсонса. Позднее о целесообразности эндогенизации институции писали Э. Фуруботн и Р. Рихтер (Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 10); этот же тезис актуализировал М. Аоки (Aoki, 2007) и поддержал Г. Клейнер (Клейнер, 2006, с. 114, 120).

2. ИНСТИТУЦИЯ: СИНТЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Институции – социальные формы функций субъектов или общественные отношения между ними относительно объектов, процессов и результатов их экономической деятельности, обеспечивающие эволюцию системы общественного разделения труда на основе статусов, норм, правил, инструкций, регламентов, контрактов, стандартов и порядков (Инишаков, 2005; Инишаков, Фролов, 2005). Не случайно и Дж. Серл понимает институции как «статусные функции» (Серл, 2007, с. 17). К. Маркс считал, что институции представляют собой «различные общественные функции» или «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (Маркс, 1951, с. 493), явно связанные с общественным разделением труда. Они утверждают в своих агентах, согласно концепции Т. Веблена, «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» (Веблен, 1984, с. 201). Следовательно, исполнение деятельной функции оформляется общественным отношением, отражается в сознании и оценивается самосознанием. Но именно функциональность следует признать методологической основой изучения экономических институций как общественных форм и отношений между людьми.

Институция выступает объективно необходимой движущей силой (экзогенным и эндогенным фактором) любой конкретной деятельности и является базовой категорией институциональной экономической теории. Институты – более сложное, производное явление в сравнении с институцией. Однако современные экономисты предпочитают рассматривать основную категорию институционализма в производной форме, не определив ее в исходной. Чтобы понять институты, нужно сначала осознать сущность лежащих в их основе институций и способ их включения в институты.

Суть институции – в социальной форме персонифицированного закрепления образа действия, порождающего образ мышления ее агентов. На это указывает и этимологическое значение данного слова (от лат. *institutio*) – устройство, образ действия, наставление, учение, указание (Дворецкий, 1986, с. 410; Подосинов, Козлова, Глухов, 1998, с. 155). Поэтому институцию следует понимать онтологически как отношение между людьми по поводу дифференциации деятельности или как форму социализации деятельной функции человека. Гносеологически институция – знание об осуществлении какой-либо деятельной функции; описание ее содержания, места, роли для определения и передачи информации о ней членам общества. Это позволяет формировать компетенции ее агентов путем обучения, развивая его способности выполнять данную функцию в системе формирующихся в деятельности и укореняющихся и меняющихся правил, норм, конвенций, инструкций, обычаев, традиций (Бергер, Лукман, 1995, с. 89–112).

Институция – категория образа жизни, т.е. единства деяния и мышления. Приближается к такому пониманию А. Московский, отстаивая классическое определение института как «способа думать и действовать» (Т. Веблен), встроенного в «коллективное, совместное действие» (Дж. Коммонс)» (Московский, 2009, с. 123). Конечно, сформировавшиеся институции выражаются в определенной системе правил и норм, хотя признание их содержанием институций (Д. Норт) и институтов (Е. Попов, А. Сергеев и др.) трудно признать методологически корректным. Однако нормы – характеристика обычаев, традиций и атрибут правил. Кроме того, нормы возникают из массового воспроизводства и большого масштаба любых явлений – как их наиболее распространенная и усредненная мера, специфицированная конкретным содержанием. Норма не может быть институцией или институтом. Она – продукт институции, стихийного или целенаправленного нормотворчества. Институция приобретает норму и правила осуществления, распространяясь и укореняясь в структурах общества.

Нормы и правила – способы проявления и измерения институций и институтов, оценки их состояния, реализации и эволюции.

Действительное содержание институции – осознанные социальные отношения обособления и закрепления типичного действия в качестве общественно признанной и воспроизводимой функции в практике индивидуальных и коллективных субъектов, которые становятся представителями (агентами) данной институции. В этом контексте наполняются новым смыслом слова Т. Веблена о том, что «экономическое действие должно быть предметом науки, если наука хочет занять место в ряду эволюционных наук» (Веблен, 2006, с. 106). Если отдельные социализированные функции теряют общее значение и масштаб, они возвращаются в состав обычных, незакрепленных, случайных, спонтанных или скоротечных действий, частично теряя величину своей социальной ценности. Они перестают быть институциями, трансформируясь в обычные промежуточные действия, устойчиво не разделяющие и не объединяющие индивидов и их группы по месту и роли в системе общественного бытия (Иншаков, 2007а, с. 31).

Универсальность человеческой деятельности осуществляется, закрепляется и развивается в общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидам, их группам и сообществам. Социальное (имплицитное или эксплицитное) закрепление конкретных форм деятельности за индивидом или группой осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она представляет собой фактор и процесс создания и закрепления статусов субъектов, объектов и процессов экономической жизни общества (Иншаков, 2007б). На основе этой базовой категории вырастают деституция, проституция, реституция, конституция и другие производные формы. Например, конституция представляет собой высшую консолидированную форму институции, обеспечивающую социальное закрепление всеобщих

функций членов общества. На основе конституции происходят координация и коэволюция институций и институтов общества на основе принципов консенсуса и компромисса.

Относить институции только к экзогенным факторам или условиям производства как общественного бытия, как это часто делают современные институционалисты (О. Уильямсон), ошибочно. Особенно когда культурные и религиозные институции трактуют как доминирующие над трудовыми. Культура производства, как жизни, так и средств жизни, – первична относительно религии, семьи и государства. Исходя из концепции метапроизводственной функции, институциональный фактор следует воспринять как объективно необходимый элемент любого акта и процесса человеческой деятельности, его особую эндогенную созидательно действующую силу. Эта сила обеспечивает дифференциацию и типизацию производственных функций людей в ходе общественного разделения труда; их индивидуальное и групповое, процессное и предметное социальное закрепление в нормах, правилах, договорах и порядках совместной деятельности; интеграцию и стратификацию субъектов экономических отношений по их статусу и роли в системе общественного воспроизводства.

Как субъекты производства, его агенты и их группы, так и его средства и продукты в качестве объектов экономических отношений принимают свои институции и статусы, поскольку «призываются» обществом «к функциям, соответствующим их идее и назначению» (Маркс, 1951, с. 190). Любые элементы окружающего нас экономического пространства, охваченного целенаправленной человеческой деятельностью, имеют определенные, социально признанные функции, определяющие их статусы в общественном воспроизводстве (Иншаков, Фролов, 2007а, 2007б; Фролов, 2008). Не менее значима роль институциональных процессов, в том числе транзакций, процедур, ритуалов, церемоний, обрядов и т.д. Все они связаны с согласованным осуществлением определенных институций в заданном временном диапазоне, фиксируя или

подтверждая статусы их агентов или отражая их изменения. Таким образом, сущность институций можно системно осмыслить только в единстве субъектных, объектных (предметных) и процессных форм их проявления.

Институциональная экономическая теория изучает общественные отношения закрепления и воспроизводства индивидуальных и групповых, процессных и предметных функций в статусах и ролях, нормах и правилах, соглашениях и контрактах, порядках и институтах с целью устойчивого повышения определенности и минимизации транзакционных издержек совместной хозяйственной деятельности людей. Как заметил еще Т. Парсонс, «любая функция, твердо установленная экономическим разделением труда, оказывается связанной с институционально определенными ролями» (Парсонс, 2002, с. 337), основанными на присваиваемом институцией статусе. Осуществление институции проявляется в присвоении статуса, но основывается на уже проявленных в практике способностях субъекта выполнять определенную функцию. Проявленные и признанные обществом способности «предоставляют ему статус и с этим статусом функцию», которая теперь социально закреплена (Searle, 2003, р. 202). А поскольку всякое человеческое существо имеет свою функцию, то институционализм является объектно-универсальным, субъектно-персонифицированным и предметно-аспектным подходом к познанию общественной деятельности и действительности.

3. ЛОГИКА СИСТЕМНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНСТИТУЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Нечеткость и неустойчивость понятий, описывающих институциональную реальность, порождают смысловую неопределенность ее описания. Справедливо, что пока «понятие “институт” относится к числу комплексных, гетерогенных категорий. Институтиками считают и разделение труда, и право соб-

ственности, и деньги, и фирму, и государство...» (Некипелов, 2006, с. 327). В итоге действительно «не всем оно покажется убедительным» и достаточно операциональным. Даже в «вольном» переводе нобелевской лекции Д. Норта институцию заменили категорией «институт» (Мировая экономическая мысль, 2004, с. 709). Конечно, «категории вначале можно выделять просто по мере того, как они приходят в голову». Но постепенно осознается, «что категории эти разной степени общности, имеют разную природу, одни можно выводить из других», поскольку «они относятся к разным уровням реальности» (Болдырев, 2008, с. 104).

Следует по достоинству оценить усилия Д. Норта, связанные с разграничением понятий «институция» (а не «институт», как в русском переводе его книги) и «организация». Важно, что благодаря авторитету лауреата Нобелевской премии это практически удалось сделать в англоязычной научной литературе, хотя и в ущерб четкости определений. Для облегчения проникновения своей концепции в массовое сознание Д. Норт прибег к испытанному приему метафоры, в результате чего институции превратились у него в «правила игры», а организации – в «игроков» (Норт, 1997, с. 18–19). Главное теоретическое следствие из концепции Д. Норта состоит в том, что если «игроки» (участники системы хозяйства) действуют на основе «правил», значит, организации функционируют на основе институций, осуществляемых их агентами. Правила определяют институциональность организаций. Проведенное им нестрогое разграничение рассматриваемых понятий, безусловно, требует более четких дефиниций. «Игроки» могут быть представлены как индивидуальные и ассоциированные агенты хозяйственной деятельности, а «правила игры» – как установленные или сложившиеся способы выполнения ими социально закрепленных функций. Очевидно, именно наличие институций как объективно необходимых отношений разделения и выполнения функций отдельными «игроками» и приводит к формулированию и укоренению правил «игры»?

Невозможно согласиться с утверждением Е. Попова и А. Сергеева о том, что «четкое общее определение институтов как правил или норм – первый необходимый шаг в построении категориального аппарата институциональной теории» (Попов, Сергеев, 2010, с. 106). Действительно, «определение это откровенно абстрактное, формальное, абсолютно внешнее по отношению к экономической реальности» (Московский, 2009, с. 111). Наряду с этим, по замечанию Ф. Фукуямы, «экономическая литература запутывает вопрос, применяя слово *institutions* = учреждения – как к официальным, так и к неофициальным правилам построения индивидуального выбора» (Фукуяма, 2006, с. 58).

В реальности только массовое повторение и признание социально закрепленных функций в виде институций приводят к их нормированию и регулированию с помощью правил. Институции производят нормы и правила, а институты их укореняют и распространяют. Однако все институции и их институты в действительности отклоняются от норм и правил как от точек равновесия между идеалом и его реальным воплощением. Ведь если считать институтами любые действующие в экономике и обществе нормы, то логичным будет относить к институтам нормы времени и выработки, провоза багажа, высева семян и осушения, радиационной безопасности, прибыли и рентабельности и т.д.

Не решает проблемы и попытка трактовать институты как «правила поведения, т.е. как регулятивные принципы, которые предписывают или, наоборот, запрещают те или иные способы действия», относя к ним тем не менее банки, страховые компании и пенсионные фонды, равно как права собственности и свободную цену. Вызывает сомнение попытка подчеркнуть в итоге «фундаментальность правил и их отличие от организационных структур» (Кузьминов, 2005, с. 10). Предмет экономического институционализма то расширяется за рамки общественного бытия, то сужается до внешних правовых или психологических форм его проявления.

Этимологически слово «институт» (от лат. *institutum*) означает установление, учреждение и организацию, посредством которых институции реализуются, т.е. кооперативно воспроизводятся уже первично специализированные функции, где им обучают, передают их новым агентам. В этом состоит эволюционная роль институтов как «твердых структур» в хозяйственных системах в отличие от «мягких» институций, которые, только «затвердев», утверждаются, передаются и сохраняются. Такое «затверждение» означает, что институт выступает как скрепляющая дискретная форма непрерывно меняющихся институций. Доказательство различия институций и институтов позволяет преодолеть тенденцию искусственного удвоения институтов. Тогда ими одновременно и параллельно считают «предпринимательство» и «предприятие», «кредиторство» и «кредит», «инновационное посредничество» и «венчурный фонд», «фермерство» и «ферму», «земство» и «земский собор», «христианство» и «церковь».

Важно осмыслить институты как сложные факторы производства, представляющие собой надвидовые комплексы взаимодействия институций и организаций (*Ins, O*), которые их соединяют на принципах эффективности. Институты выступают функциональными генотипами организаций, эволюционно сложившимися типовыми моделями их функциональной структуры. Каждый институт располагает уникальным составом видов институций, обеспечивающих возможность типовой организации различных видов человеческой деятельности.

Едва ли «для наименования института может использоваться как ключевая норма (“институт банкротств”), так и ключевой объект (“институт семьи”)» (Клейнер, 2004, с. 19). Обозначение явления по его ключевым элементам трудно считать полным, ведь с позиций системного подхода в качестве критерия наименования институтов могут фигурировать также ключевые субъекты, функции, процессы, продукты или эффекты. Названия институтов целесообразно однозначно связать с видовым статусом соответствующих организаций, например предприятие, семья, церковь,

партия, парламент, банк, биржа, университет, казначейство, таможенная служба, страховое общество, инвестиционный фонд и т.д.

В научных текстах понятие «институт» целесообразно использовать именно для обозначения организаций определенного функционального типа, но не вида (в значении *a type of established organizations*). Сложность выявления связи организации, институции и института часто тормозилась отсутствием достаточной дифференциации этих категорий. В современных концепциях имела место не только подмена институции институтом, но и наоборот. Дж. Ходжсон в 1988 г. писал: «Институция – социальная организация, которая посредством традиции, обычая или правовых ограничений формирует долговременные рутинизированные схемы поведения» (Ходжсон, 2003, с. 37). К сожалению, впоследствии он отошел от такого понимания и вульгаризировал определение институций до «системы социальных правил». Он пришел к выводу, что «языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) – все это институты (правильно было бы – “институции” – О.И.)» (Ходжсон, 2003, с. 11–12). Но институты, как и институции, не сводятся к нормам и правилам. Двигаясь от внешних форм проявления к содержанию, институты можно рассматривать как системы институций с социальными правилами и нормами взаимодействия их агентов, объединенных в устойчивую структуру на основе эффективного общественного разделения функций в процессе совместной деятельности.

4. ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ

Содержание категории «институт» также синтезируется в связи с понятием социаль-

ной формы функции или действия, указывающей на ее (его) принадлежность субъекту и признание этого другими, на ограниченность и специфичность его сферы и масштаба, на устойчивость и нормированность, на создание образа мышления и поведения. Взаимодействие функциональной и элементарной структур, т.е. институции и организации, порождает новые образования и эффекты в социально-экономических системах.

Организации определяют свой видовой статус посредством институции и масштабно закрепляют его посредством института. Поэтому к институтам следует относить «армию, но не воинскую службу в целом, церковь, но не религию, семью, но не брак, предприятие, но не малый или крупный бизнес, налоговую инспекцию, но не систему налогообложения и т.д.» (Белоусов, 2005, с. 178). Необходимо дифференцировать социальные формы функции и структуры хозяйственной деятельности, которые в реальности всегда предстают интегрированной системой.

Категория «институт» должна выводиться не прямо из категории «институции», а опосредованно – через категорию «организации». На это кажущееся противоречие обращали внимание зарубежные исследователи. Они были вынуждены констатировать, что «современная институциональная экономическая теория изучает как институты (в оригинале говорится об институциях. – О.И.), так и организации, т.е. институты *sine* [без] людей и *cum* [включая] людей» (Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 11). Так логически и представлены институции и организации в аргументах метапроизводственной функции.

С институциональной точки зрения организации – целевые комплексы комплементарных институций, исполняемых их агентами в интегрированной системе правил и норм. Не случайно «часто организации трактуют как системы ролей – устойчивых совокупностей функций, которые должен выполнять человек, принявший на себя некоторую роль» (Тамбовцев, 1990, с. 7). Благодаря осмыслению слитности социальных форм (отношений)

функции и структуры М. Портер трактует экономические организации как «комбинации отдельных видов деятельности, выступающие в качестве источника получения конкурентного преимущества» (Портер, 2004, с. 149), т.е. как обособленные системы воспроизводства эффективных и (или) монопольных институций.

Именно поэтому нередко для описания функциональных характеристик целевых деятельных групп (фирмы, рынка) используется категория «организация» в смысле института, учрежденного и управляемого акторами для достижения общей цели с помощью специфического комплекса институций (активов) – их внутренней конституции (Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 339–350). Это справедливо, поскольку институция всегда организуется. Р. Мэтьюз тоже согласен, что слово «институция» иногда используется в совершенно другом смысле, означая организацию, но он сам не употребляет его в этом значении, «хотя может возникнуть обстоятельство для рассмотрения организации как состоящей из набора институций» (Matthews, 1986, p. 904).

Воспроизводимые экономическими организациями институции в свою очередь структурируются, что ведет к формированию органов как институционально специализированных подразделений организаций, т.е. относительно обособленных в их рамках внутренних структур, осуществляющих общие и отдельные системные функции (Менар, 1996). Если в функциональном аспекте экономические организации – это системы институций, то в структурном – это комплексы взаимодействующих органов. Орган – «выпавшая из поля зрения» институциональной экономической теории категория, хотя именно органы образуют институциональные структуры во внутренней среде фирм, что справедливо отмечено в концепции «мини-экономики» (Попов, 2005).

Если органы возникают в ходе онтогенеза (индивидуального развития) конкретных экономических организаций, то институты формируются в процессе филогенеза обособленных крупных частей и сообществ глобальной экономической системы, закрепляя

результаты эволюции представляющих их хозяйственных структур. Если организации – это системы коллективного целенаправленного действия, то соответствующие им институты – особые формы надколлективной субъектности. Следовательно, изучение институтов хозяйства и общества (биржи и таможни, банки и фирмы, семья и школа, партии и церковь, больницы и отели, парламент и армия, университеты и т.п.) предполагает абстрагирование от очевидных фенотипических различий соответствующих им конкретных организаций.

То же касается и органов институтов (советов и совещаний, дирекций и комиссий, собраний и коллегий), которые жестко не привязаны к видам организаций, но больше связаны с типами и масштабами их деятельности. Например, в профсоюзе как типовом институте союзничество вида профессионалов является институцией, а ее организация в рамках отрасли – видовой структурой этого института, которая представлена локальными организациями на предприятиях с соответствующими органами в виде собраний, конференций, комитетов, комиссий. Предприятие основано на институции предпринимательства и существует в многообразии организационных форм фабрик, заводов, магазинов, объединений и т.д., каждая из которых имеет в качестве органов дирекции, собрания, совещания, планерки и т.п. Церковь как институт основана на институции христианства и приходской организации со своими органами – собором, Синодом, попечительскими советами и пр. Орган предстает как результат структурирования институтов и принадлежащих им организаций по отдельным институциям или их однородным группам, благодаря чему «прогресс осуществляется скорее благодаря постепенной адаптации старых органов к новым функциям, чем благодаря их ослаблению и отмиранию» (Кули, 2000, с. 41).

Таким образом, в прямой связи эндогенных факторов любого производства институция (*Ins*), обретая организацию (*O*) своего воспроизводства, образует соответствующий себе институт ($Ins \rightarrow O \rightarrow Inst$), а в обратной свя-

зи организация (*O*), принимая определенную институцию (*Ins*), создает соответствующий орган (*Or*) своей структуры ($O \rightarrow Ins \rightarrow Or$). Установление этих всеобщих связей имеет метатеоретическое значение, поскольку они не зависят от типов, видов и масштабов производства. Они образуют не только «категориальное ядро» институциональной экономической теории [$(Or) \leftarrow (Ins \leftrightarrow O) \rightarrow (Inst)$], но и «транзакционное ядро» общественного бытия, на основе внутреннего противоречия которого оно непрерывно вводится в реальную форму – социально информируется посредством дифференциации и интеграции человеческой деятельности. Из приведенного рассуждения ясно, что *de facto* институты интегрированы. Но их интеграция не есть функциональный императив для социальных процессов, в ходе которых они создаются; скорее интеграция институтов имеет вторичный характер» (Бергер, Лукман, 1995, с. 108).

Предлагаемый вариант категориальной системы институциональной теории выгодно отличается от «нортовской» модели «игроки – правила игры» и позволяет повысить уровень системности анализа институциональных явлений и процессов в экономике, как это подтверждают тренды и результаты современных исследований.

Литература

- Аленичев В.В., Инишаков О.В., Фролов Д.П. Введение в институциональную экономическую теорию страхования. М.: «Книжная редакция “Финансы”», 2007.
- Белоусов В.М. Откуда есть пошел русский институционализм? (О книге О.В. Иншакова и Д.П. Фролова «Институционализм в российской экономической мысли»). В 2 т. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002) // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2005. Т. 3. № 1.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бест М. Новая Конкуренция. Институты промышленного развития. М.: ТЕИС, 2002.
- Болдырев И. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2006. Т. 4. № 2.
- Гайдай Т.В. Институция как инструмент институционального экономического анализа // Экономическая теория (Украина). 2006. № 2.
- Гэд Т. 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. 2 изд., испр. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3 изд., испр. М.: Русский язык, 1986.
- Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь В.О. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
- Инишаков О.В. Введение // Инишаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Инишаков О.В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003а. № 1.
- Инишаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. 2003б. № 9.
- Инишаков О.В. Homo institutus – субъект социально освященного действия // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
- Инишаков О.В. Введение // Инишаков О.В., Фролов Д.П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 4 т. Т. 1. М.: ЭкономистЪ, 2007а.
- Инишаков О.В. Институты и институции в современной экономической теории // Вестник Волго-

- градского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика, экология. 2007б. Вып. 11. С. 6–12.
- Инишаков О.В.* Экономическая генетика и наноэкономика. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007в.
- Инишаков О.В.* Предприятие и фирма: выход из заблуждений в русле эволюционной экономической теории // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика, экология. 2008а. № 2.
- Инишаков О.В.* Единство эволюционной экономики, экономической генетики и наноэкономики // Первая Всероссийская летняя Школа молодых исследователей эволюционной экономики, г. Волжский, 15–20 сентября 2008 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008б. С. 57–68.
- Инишаков О.В., Белобородько А.М., Фролов Д.П.* Биржа: эволюция экономического института. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2008.
- Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Инишаков О., Фролов Д.* Место институционализма в экономической науке // Экономист. 2005. № 10.
- Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика 2007а. № 1.
- Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 4 т. Т. 1. М.: ЭкономистЪ, 2007б.
- Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Лингвистика институциональной экономики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010.
- Инишаков О.В., Чернавин Д.А.* Факторная система показателей фирмы в контексте эволюционной экономики // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2007. № 19.
- Камерон Р.* Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
- Кирдина С.Г., Малков С.Ю.* Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие: Матер. 7-го Международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007 г., Московская область, г. Пущино / Отв. ред. В.И. Маевский, С.Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, 2008. С. 167–168.
- Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
- Клейнер Г.Б.* Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 1.
- Кузьминов Я.И.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин. Модернизация экономики и выращивание институтов: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Луман Н.* Эволюция / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2005.
- Майбурд Е.М.* Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, 1996.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1951.
- Менар К.* Экономика организаций. М.: ИНФРА-М, 1996.
- Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V: В 2 кн. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004.
- Московский А.* Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3.
- Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов: от робинзонады до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: ЭкономистЪ, 2006.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.

- Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. *Lingua Latina*. Латинско-русский словарь. М.: Флинта: Наука, 1998.
- Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
- Попов Е., Сергеев А. Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 106.
- Попов Е.В. Институты миниэкономики. М.: Экономика, 2005.
- Портер М. Конкуренция между местами размещения бизнеса: глобальная стратегия как способ обеспечения конкурентного преимущества // Курс МВА по стратегическому менеджменту / Фэй Л., Рэнделл Р. (ред.). М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
- Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8.
- Сорокина С.Г. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса» (вступительная статья) // Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Тамбовцев В.Л. Формальное и неформальное в управлении экономикой. М.: Экономика, 1990.
- Филипенко А.С. Экономическое развитие: цивилизационный подход. М.: Экономика, 2002.
- Фролов Д. Эволюционная перспектива институциональной экономики России. Волгоград: Издво ВолГУ, 2008.
- Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005.
- Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.
- Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: В 4 т. Т. 2: Индивидуальное производство – Мюрдаль / Гл. ред. А.М. Румянцев. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 28.
- Aoki M. Endogenizing institutions and institutional changes // *Journal of Institutional Economics*. 2007. Vol. 3. № 1.
- Best M.H. *The New Competition: Institutions of Industrial Restructuring*. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Eggertsson T. *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Furubotn E., Richter R. *Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics (Economics, Cognition, and Society)*. Michigan: University of Michigan Press, 2005.
- Hodgson G.M. *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Inshakov O. *The Theory of Human Action and Economic Genetics // The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 159–170.
- Matthews R.C.O. *The Economics of Institutions and the Sources of Growth // The Economic Journal*. 1986. Vol. 96. P. 904.
- North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- North D.C. *Economic Performance Through Time: Prize Lecture*. Lecture to the Memory of Alfred Nobel, December 9, 1993.
- Searle J.R. *Social Ontology and Political Power // Socializing Metaphysics: the Nature of Social Reality / Ed. by Frederic F. Schmitt*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. 2003. P. 202.
- Veblen T. *The Theory of the Leisure Class. An Economic Study in the Evolution of Institutions*. Macmillan, NY, 1899. Reprint, N.Y.: Dover, 1994.
- Veblen T. *The Theory of Business Enterprise*. Transaction Publishers. 1904. Reprint, New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1978.

Рукопись поступила в редакцию 22.06.2010 г.